

БОЛЬШОЙ
РОМАН

ЖАУМЕ КАБРЕ

Тень евнуха

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
К 12

Jaume Cabré
L'OMBRA DE L'EUNUC
Copyright © Jaume Cabré, 2004
All rights reserved
First published in Catalan by Raval Edicions, SLU, Proa, 2004
Published by arrangement with Cristina Mora Literary & Film Agency
(Barcelona, Spain)

Перевод с каталанского Александры Гребенниковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-10856-1

© А. Гребенникова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство ИНОСТРАНКА®

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. СЕКРЕТ АОРИСТА

Часть I. Andante (Präludium)	13
Часть II. Allegretto (Scherzando).....	149

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. ПАМЯТИ АНГЕЛА

Часть III. Allegro (Cadenza)	295
Часть IV. Adagio (Choral: es ist Genug!)	401

Margapume

В твои годы мужчины — как волки, в глазах у вас — только время.
Жуан Маргарит

...for we possess nothing certainly except the past¹.
Ивлин Во

Adagio ♩ = 54

Solo-VI

mp ma deciso *doloso*

(Es ist ge - nug! Herr, wenn es Dir ge -

mp dolce *poco ral..* *Poco piu mosso, ma religioso*

fallt, se span - ne mich doch aus! |

Альбан Берг

¹ ...ибо ничто, в сущности, не принадлежит нам, кроме прошлого (*англ.*). Цитата из романа И. Во «Возвращение в Брайдсхед» приводится в переводе на русский И. Бернштейн. — Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных.

Действие первое

Секрет аориста

Часть I

Andante

(PRÄLUDIUM)

Когда все уже осталось далеко позади, я, сидя напротив женщины с черными глазами и безупречной кожей, спросил себя: когда же в точности моя жизнь дала трещину? Этот вопрос пришел мне в голову несколько неожиданно, и я тут же переключился на Жулию, желая понять, о чем думает она. И украдкой взглянул на нее: она внимательно читала меню, все еще сомневаясь в выборе — филе или антрекот. Я посмотрел по сторонам, и мне сразу бросилось в глаза какое-то на редкость безвкусное убранство ресторана. Когда же все пошло под откос? Возможно, все началось много лет назад, после моего выхода из подполья, когда мне уже удалось привыкнуть к гражданской жизни; однажды осенью, той дождливой пятницей после обеда, — в дверь позвонили, и отец, против обыкновения, сам пошел открывать. Как будто ждал звонка. Потом мы сообща восстановили ход событий: он с кем-то разговаривал, стоя на лестнице. Кажется, он сказал нам: «сейчас приду», а может, не нам, а стенам, и больше мы его не видели. Лил дождь, а он вышел на улицу в домашних тапочках и без пиджака. Позже я укорял себя за то, что тогда не понял, как важен был тот звонок в дверь; многие ключевые моменты, что выпадают в жизни, проходят незамеченными, и мы потом проводим остаток своего несчастного существования в бесполезных попытках их вернуть. Я жил тогда у родителей, потому что незадолго до того ушел от Жеммы.

Моя жизнь полна важных моментов, которые выскальзывают у меня сквозь пальцы, как рыбешки, пока я зеваю перед телевизором или разгадываю кроссворд. Сколько раз я просыпался,

казня себя за то, что не могу забыть улыбку Терезы, когда она стояла в дверях отеля «Ритц». Не знаю, как вытравить из памяти это воспоминание: оно до сих пор заставляет меня плакать, словно в жару. Тереза улыбается мне перед светящимся фасадом отеля, а я стою в нескольких шагах от нее, в темноте, задыхаясь от бега. И вот она поворачивается и уходит, все еще улыбаясь тому, что я нем, как тряпичная кукла. Нет, сейчас я не хотел об этом думать. Я должен был сосредоточиться на меню и на категоричном решении Жулии: «мясо, какое-нибудь, и думай побыстрее, а то я очень есть хочу». Но ведь Тереза улыбалась перед отелем «Ритц», на Пиккадилли... В конце концов я решил заглянуть в меню. Оно было напыщенным и вычурным, как будто вместо повара его сочинял бульварный романист. А черные глаза и бархатный голос Жулии манили меня, как бездонный колодец, но, думал я, полюбить ее мне не дано: я очень устал.

А началось все несколько часов назад, когда Жулия предложила вместе поужинать: сказала, что никто, кроме меня, не сможет ей помочь. Или нет: вся завязка случилась еще утром на кладбище, во время похорон. С тех пор я и задумался о жизни. Скрываясь за стеклами темных очков, я стоял чуть в стороне от родственников, озадаченных этой внезапной смертью. Но Ровира все-таки узнал меня и тут же ко мне прилип. Выкурил полпачки «Кэмела» за душещипательной беседой. Там, на кладбище, еще до встречи с Ровирой, я внезапно осознал, что у меня никогда не хватит мужества опровергнуть официальную версию гибели Болóса, согласно которой произошел прискорбный и необъяснимый несчастный случай. Никто, кроме меня, не знал про таинственное сообщение на автоответчике: «Симон, говорит Франклин, за нами следят», оставленное в среду вечером. Потом пришел четверг, и мне обо всем сообщили, а в пятницу, не успев я вернуться с кладбища, позвонила Жулия с приглашением поужинать вместе.

Приятный кладбищенский ветерок напомнил мне горячий и страшный ветер, дувший на вершине Курнет-эс-Сауда. А я, не смотря на свое так называемое героическое прошлое, почти не раздумывая, решил спрятаться за темными очками и делать

вид, что ничего не понимаю, и говорить: «да, да, не представляю, как могла произойти такая нелепая и страшная авария». И поспешно ушел, пока меня не разоблачил пронизательный взгляд Марии. А потом позвонила Жулия.

— И что это за условие?

— Я сама выберу, куда мы пойдем, — сказала Жулия.

И я подумал: да какая мне разница, я тоже одинок, уныл, рас-терян, со страхом в сердце, не в силах думать ни о чем, кроме смерти Болоса. Какой же я все-таки трус — даже взгляда Марии на кладбище не выдержал.

— Хорошо. Согласен. Куда ты меня поведешь?

— Это сюрприз, скоро увидишь... Очень милый ресторани-чик, недавно открылся. Нам очень о многом надо поговорить, Микель.

— О чем это?

— Обо всем. О Болосе. Мне нужно статью о нем написать.

— Статью?

— Тебе разве Дуран не говорил? Статью в память о нем.

— Да оставьте вы Болоса в покое!

— Ты чего? Тебе не нравится эта идея?

— Да нет, все в порядке. — И, не найдя, что еще сказать, я до-бавил: — Нет, правда.

Я никогда не умел врать, и Жулия все поняла с лету:

— Ты против.

— Да нет, что ты. Но разве ты о нем много знаешь? О Болосе?

Теперь замолчала Жулия, и я почувствовал, что это неспрос-та, она тоже не слишком-то хорошо умела врать.

— Ну, я посидела в библиотеке, в отделе периодики, почита-ла старые статьи, все такое. А что? — Пауза, неловкая для нас обоих. — Но мне не хватает информации о его юности, а ты... — Она откашлялась. — Значит, да? — И чтобы я больше не разду-мывал: — Это очень красивый ресторан, там отлично готовят мясо, а тебе нужно развеяться.

Доводы ее были неоспоримы, и я ответил: «Хорошо, я в тво-ем распоряжении». Ведь это лучший способ не лежать на дива-не в темноте, не думать о Терезе, о Болосе, о себе, снова о Терезе

и о том, как меня напугал хриплый голос на другом конце провода, который угрожал мне, словно не зная, что нет худшего наказания, чем всю жизнь хранить память о мокром полотенце и лампочке в двадцать пять свечей. И о Терезе.

Жулия заехала за мной в восемь и, вместо того чтобы сесть в машину, с заговорщической улыбкой протянула руку — хотела, чтобы я дал ей ключи от машины. Она все-таки решила сделать мне сюрприз. Никогда не мог устоять перед женской улыбкой, даже если от этого зависит моя жизнь. Я вручил ей ключи — пусть везет меня куда хочет — и тоже улыбнулся, но как-то неуверенно: не люблю, когда мою машину ведет кто-нибудь другой, а я сижу рядом. К тому же я знал, что Жулия, спокойный и страстный водитель, всю дорогу будет оживленно жестикулировать, забывая про руль, резко переключать передачи, вздыхать и время от времени почти нехотя следить за дорогой. Короче говоря, я приготовился к мучениям, и мучиться мне пришлось довольно долго, поскольку оказалось, что этот милый ресторанчик находится вовсе не в Барселоне. На выезде с проспекта Меридиана машин было не очень много, но я вжимался в сиденье при виде того, как Жулия постоянно и без всякой надобности, почти что в поэтическом беспорядке, лавирует между рядами. Ну что ж, по крайней мере, это отвлекло меня от грустных мыслей.

- Не скажешь, куда мы едем?
- Не скажу. Какая тебе разница, где платить за ужин?
- Если это деловой ужин, пусть Дуран платит.
- Он не согласится.
- Я с ним поговорю.

Она положила мне руку на колено и не стала убирать. Неужели это я? С Жулией?

Мы уже ехали по шоссе на Фейшес¹, движение там было куда плотнее: многие хотели поскорее выбраться из Барселоны на выходные. Сдается мне, что сидел я с самым глупым видом,

¹ Прототипом города Фейшес в романах Жауме Кабре является каталонский город Тарраса, расположенный в 34 км от Барселоны.

разомлев от нежности Жулии и глядя перед собой на прерывистую линию, на которую она то и дело наезжала, должно быть придавая себе уверенности.

— У меня будто душу вынули...

— У меня тоже.

— Да уж, два сапога пара.

— Это будет ужин в память Жузепа-Марии.

— Какого Жузепа-Марии?

— Болоса. — И с очень наигранной переменной в голосе: — Что за водители пошли?! Видел, что творят?

— Болос был моим лучшим другом, — сказал я. — Может, тебе лучше вернуться в свой ряд?

— Ну Микель... Не начинай, ладно?

Мы замолчали, я стал смотреть на каменистый берег реки Риполь — единственное, что было видно из окна, — и постарался на несколько минут забыть о том, что Жулия не имела обыкновения двигаться вместе с потоком.

— Ты знаешь, что мы подъезжаем к моему родному городу? — сказал я, намереваясь прервать молчание, длившееся уже четыре с половиной километра.

— Правда? Я не знала. Ты разве не из Барселоны?

— Нет. Я там давно живу. Но родился и вырос я в Фейшесе.

— Вот это да!

Еще восемьсот метров молчания.

— Ну надо же.

Я ласково потрепал ее по щеке, в ответ она резко сменила ряд.

— Слушай, нет ничего страшного в том, что я родился не в Барселоне.

— Просто неожиданно. Наверное, трудно начинать жизнь на новом месте.

— Но у меня, видишь, неплохо получилось.

Сабадель остался справа, а мы все ехали вперед.

— У тебя кто из Фейшеса — отец или мать?

— Отец, деды и бабушки, прадеды и прабабушки. Предки моего отца поселились в Фейшесе много веков назад.

— Ничего себе.

— В смысле?

— В смысле — ничего себе.

— Вот такие дела. Если у тебя хватит терпения, могу как-нибудь показать наше генеалогическое древо. У меня оно есть, очень хорошо нарисованное. Мы были семьей с прошлым и им гордились.

— Были?

— Ну да, были.

— И у меня так же. Я знала только одного деда, и за то спасибо.

— А у меня до недавнего времени был дед — то есть двоюродный дед. Дядя Маурисий. Очень своеобразный человек.

— Почему?

— Потому что. Ему было сто тысяч лет, он никогда ни о чем не забывал и был совершенно безумен. — Я посмотрел на Жулию краем глаза, чтобы убедиться, что ей интересно то, о чем я говорю. — Дядю считали паршивой овцой.

— То есть он эмигрировал в Америку, потом вернулся и все такое?

— Нет. Просто все его ненавидели.

— А ты?

— А я — нет.

Жулия с интересом глядела на меня, сворачивая при этом с шоссе, не включив поворотника.

— Познакомишь меня с ним? — спросила она, не обращая внимания на то, что машина, ехавшая перед ней, затормозила.

— Он умер. — Мы вовремя затормозили, как раз в тот момент, когда у меня похолодело в животе. — Давай поедем по-медленнее.

— Что?

— Понимаешь, все, что мне известно о семье, я узнал благодаря собранным им бумагам. Всем в мире бумагам. Он знал все.

— Прямо-таки все?

— Ну да. В каждой семье есть человек, который хранит память.

— В моей такого нет. Я даже не знаю, можно ли нас назвать семьей. — И, уже заехав в переулок, она добавила: — Кажется, правильно повернула.

— Да как сказать... Там был «кирпич», но для тебя ведь это не препятствие.

— Черт, где он был?

— Да мы проехали, — почти шепотом проговорил я, едва переводя дух. — Не волнуйся, здесь уже двустороннее движение.

— Знаешь, я уже проголодалась. — Ей явно хотелось проехать на красный свет, но в последний момент она под громкие и продолжительные аплодисменты моего законопослушания затормозила. — Сейчас уже будем на месте, если, конечно, я не заблудилась.

Я не воспользовался случаем рассказать, что последний год жизни дядя Маурисий провел в сумасшедшем доме и что я любил его, несмотря ни на что. Не стал говорить, что он был единственным моим родственником, кроме матери, с кем я неторопливо и подолгу беседовал. Я не знал, смогу ли когда-нибудь рассказать все это Жулии.

Когда я понял, что происходит, Жулия уже парковалась у входа в ресторан. Она крутила баранку, высунув язык, и так старалась не задеть стоящую впереди машину, что даже не обратила внимания на мое внезапное молчание.

— Это и есть тот самый ресторан?

— Угу. — Вздых облегчения. — Ну как тебе?

— Ты прекрасно паркуешься. Так это и есть тот ресторан?

— Ну да, я же уже сказала.

Я предпочел промолчать. Когда я вышел из машины, ноги у меня дрожали. Было еще довольно светло, стояло лето.

Я не удержался и посмотрел на земляничное дерево — оно здорово выросло, и его сильно подстригли. Я подошел к нему поближе, но не услышал слов, сказанных дядей Маурисием в его последнем, таком длинном письме. Солнечные часы одиноко висели на стене, у которой когда-то рос розовый куст; солнце уже зашло, куст давно срубили, а ветвями берез нежно играл ветерок. На первый взгляд все было на своих местах.

— Ну как тебе?

Жулия обвела широким жестом здание, как рыбак, что только что поймал судака и желает его продемонстрировать. И что я должен был ей сказать? «Да, моя милая Жулия, мы только что приехали напрямиком ко мне домой, в дом Женсана, туда, где я родился, где вырос, где плакал и мечтал. В дом, из которого я сбежал, когда пришло время. Прошло уже несколько лет с тех пор, как матери вдруг сообщили, что она должна съехать отсюда, что дом ей больше не принадлежит. Тогда все мы чуточку сошли с ума, ведь после того, как отец ушел из дома в тапочках, оставив нас с кучей долгов, неоплаченных счетов и обид, не хватало только, чтобы мы вдруг лишились и воспоминаний. И вот тогда-то дядя Маурисий и ухватился за розовый куст. Родовое гнездо семьи Женсана, с тысяча семьсот девяносто девятого по тысяча девятьсот девяносто пятый год. Почти два столетия документально подтвержденной истории?» Я прямо как Мартин Арагонский¹. Покойся с миром, дом Женсана, я не смог спасти тебя, и ты превратился в какой-то нелепый ресторан, который, к вящему позору, еще и назвали «Красный дуб», как значилось на вывеске с претензией на высококлассный дизайн.

— Держи ключи, Микель.

— Мм?

Я с трудом пробудился от грез и пошел за ней. Три ступеньки, площадка, еще две ступеньки. На стекле входной двери —

¹ Король Арагона, Валенсии, Сардинии и Корсики и граф Барселоны Мартин Арагонский (1356–1410), прозванный Старшим и Гуманным, был последним представителем Арагонского дома по легитимной мужской линии. После его смерти основная ветвь Арагонской династии угасла.

наклейки «Виза», «МастерКард» и «Американ экспресс» — куда уж хуже! Неизвестно откуда взявшийся человек с улыбкой метрдотеля пригласил нас войти в мой собственный дом.

— У нас забронирован столик, — сказала Жулия с легкостью завсегдатая.

— Нет! — испуганно возразил я.

— Да, да... — очень терпеливо, по-учительски, уверила меня Жулия, обезоруживающе улыбаясь. И снова обратилась к метрдотелю: — На имя Микеля Женсаны.

И подмигнула мне — она всегда обращала внимание на такие практические мелочи. И на несколько мгновений, несмотря на ситуацию, я подумал: а почему бы мне не влюбиться в нее, да и дело с концом. Но это не так легко, когда столько всего в голове — в первую очередь, конечно же, Тереза, но еще страх и беспокойство, снова разбуженные телефонным звонком человека с хриплым голосом.

— Что с тобой? Тебе здесь не нравится?

Я не стал отвечать, потому что метрдотель энергично приглашал нас пройти к столику. Мы шли за ним, обходя еще пустые столики, стоящие в моей гостиной, в моей столовой и, увы, даже в библиотеке — все это самым беспардонным образом было превращено в один зал. И я почувствовал горячее дыхание Жулии, когда она шепнула мне: «Микель, я попросила, чтобы для нас приготовили волшебный уголок — возле нежно журчащего фонтана».

Я почувствовал себя глубоко оскорбленным, увидев, что в углу библиотеки, где всю жизнь возле старинных книг прадеда Маура, поэта, стоял рояль дяди Маурисия, установили этот жалкий фонтанчик. Я уже был готов вызвать метрдотеля на дуэль, но отвлекся, увидев, как он изысканным жестом пододвигает стул Жулии и вежливо кивает ей, не обращая на меня ни малейшего внимания. А потом ушел — по всей видимости, за подкреплением. И я не успел бросить ему перчатку.

— Тебе что, здесь не нравится? А, Микель?

— Да нет, нравится.

— Просто у тебя такое лицо... Они изумительно готовят мясо.

— Значит, надо будет его попробовать.

И мы принялись читать меню. Ее заинтересованности хватало на двоих, и я тут же отвлекся на дуб, служивший ресторану эмблемой: широкий и мощный, с претензией на сходство со старинной гравюрой. Он напомнил мне раскидистое, как дуб, генеалогическое древо семьи Женсана у нас дома, разложенное на коленях у бабушки Амелии. Или у дяди Маурисия, в психиатрической клинике. Все еще твердой рукой он указывал мне, какое место должна занимать тетя Карлота, его настоящая мать, чья жизнь была похожа на романтическую поэму. Или прадед Маур, поэт. Или прапрабабушка Жозефина... А еще дядя обещал составить другое, Подлинное и Доселе Неизвестное Генеалогическое Древо Семьи.

— Правда, хорошее у них меню?

— Да... — Я поглядел на блюда. — Тут, я вижу, всего понемногу.

— Мясо.

— Что?

— Здесь ты просто обязан есть мясо.

Что-то я не мог припомнить, чтобы у меня дома кто-то что-то обязан был есть, как будто мы иудеи или наступила великопостная пятница. Сдержанная улыбка не получилась. Жулия приняла ее за упрямство дилетанта в кулинарном искусстве и с серьезным видом подняла вверх палец:

— Мясо.

— Ладно, пусть будет мясо.

Насколько я понял из меню, несмотря на дурацкое название заведения, эти ресторанные идиоты задумали превратить его в модное место для продвинутых людей, таких как Жулия и ее невыносимые друзья.

А мне, несчастной жертве, что было делать? Я был охвачен воспоминаниями и думал: ах, если бы жизнь можно было из-

менить, если бы только можно было предвидеть, к чему приведут поступки и решения; если бы можно было переиграть ход, прокрутить все заново, анализируя: в чем была наша ошибка, где все пошло наперекосяк... Впрочем, быть может, истина стала бы невыносимым мучением. Или ступенькой к цинизму.

— Может, это к лучшему: не видеть дальше собственного носа.

— Что? — Жулия взглянула на меня как на сумасшедшего.

— Извини... Просто я...

— Да... — Она опустила глаза и вновь на меня посмотрела. Глаза у Жулии очень красивые. — Ты в порядке?

— В полном, — выдал я желаемое за действительное, титаническим усилием воли натянув на лицо беззаботную улыбку.

Жулия наблюдала за мной с некоторым беспокойством. Она хотела что-то сказать, но решила промолчать. Мне пришлось это очень кстати, потому что в тот момент я задумался о том, что привело к гибели Болоса. Непонятно, когда именно я должен был начать действовать иначе, чтобы теперь не винить себя в его смерти. Я думал о том же, о чем размышлял на кладбище, о безысходности на лице Марии, вдовы Болоса, и о том, что я сам себе противен. А потом ко мне подошел Ровира, и мы начали разговаривать о тысяче других вещей. Но глубоко внутри меня терзали угрызения совести из-за того, что я струсил, — ведь я-то знал, я-то знаю, от чего умер Болос. Возможно, об этом знают только два человека — убийца и я. И возможно, еще Голубоглазый. А я все прятался за темными очками, пока не пришел Ровира и не заставил меня говорить о женщинах, единственной для него теме разговора с тех пор, как сто лет назад он снял с себя монашеский сан.

— Я возьму филе-миньон, — сделала выбор Жулия, махнув на меня рукой. Она казалась довольной своим решением. — А ты?

Я как раз начал приходить к заключению, что за сорок восемь лет своей жизни я так и не научился избавляться от глубоко укоренившихся, хронических угрызений совести даже под

страхом смерти. Не говоря уже о промокшем полотенце и лампочке в двадцать пять свечей. Вся жизнь я начинал и заканчивал один этап за другим, всегда с отрицательным сальдо для своей души. А ведь я уже сто лет как не верил в Бога.

— А теперь ты хочешь, чтобы я рассказывал тебе о Болосе.

— Да, но сначала посмотри меню.

— Ты торопишься?

— Нет, не тороплюсь.

— Дело в том, что рассказывать о Болосе — значит рассказывать о себе.

— Ну да. Расскажи о том времени, когда вы много общались.

Я с неохотой взглянул на меню. Разве можно объяснить все это Жулии?

— Что-то у меня настроения нет.

Теперь Жулия посмотрела на меня так, будто собиралась как следует отчитать. Мне стало не по себе: ничто не страшит меня так сильно, как женский гнев.

— Ты можешь выбрать хорошее мясное блюдо или нет? — И с обидой: — Мне тоже невесело, но я держусь.

— Ты же близко не общалась с Болосом.

Она положила меню на стол и вперила в меня свои угольные глаза:

— Ты что, не в состоянии со мной поужинать? Ты не в состоянии помочь мне написать статью о твоём друге?

— Конечно в состоянии. Я...

— Конечно. Ты. — Она снова превратилась в ту Жулию, знакомую по работе, рожденную, чтобы командовать, но вынужденную быть моей подчиненной. — Я изо всех сил старалась, нашла стильное место, забронировала столик, отложила все дела...

Я и не подозревал, что все так серьезно. А потому решил хорошенько изучить меню, как мальчик, знающий, что суровый взгляд учителя вот-вот раздавит его в лепешку. Жулия молчала, ее, казалось, раздражала моя апатия.

— Я возьму треску.

— Но ведь... — В голосе Жулии звучал не то чтобы протест, а священное негодование. Она стала похожа на Жанну д'Арк. — Ведь я же тебе сказала, здесь очень хорошее мясо!

— Тогда мясо. Точно — мясо! — И я повторил это метрдотелю, который уже вырос как из-под земли с блокнотом наготове и недоверчиво на меня поглядывал.

— Какое именно мясо, сеньор?

— Не знаю... — И, совершенно не раздумывая: — Вот это, под двумя соусами. Вы уже приняли заказ у дамы?

— Да, сеньор. Несколько минут назад.

По-моему, это совершенно неуместный комментарий.

Переговоры длились долго. Но нам удалось разработать удовлетворяющее обе стороны, а главное, подходящее Жулии меню. Когда метрдотель, записав все до мельчайших деталей (с кровью, не солить, салат «Монпансье» без лука), удалился со своим блокнотом, который почему-то напомнил мне книжечку с бланками для выписывания штрафов, Жулия впилась в меня глазами:

— Ну, о чем ты думаешь? Рассказывай!

— Все дела отложила! Выдумаешь тоже...

— Слушай, не притворяйся. О чем ты думаешь?

Мне так хотелось плакать, что я рассмеялся, протянул руку через стол и погладил Жулию по щеке. Жулию, умную, энергичную, с угольно-черными волосами и глазами, с нежной кожей, молодую, оскорбительно молодую. Совершенно мне незнакомую, потому что мы никогда не говорили по душам. И это хорошо — значит она не поймет, что я живу, не в силах ни на что решиться, что я, хоть и старше ее на двадцать лет, на самом деле несравнимо древнее, потому что на меня накатывают ностальгия и угрызения совести, а мысли о смерти поселились у меня в мозгу навсегда, покрыв его тонкой пленочкой. А это значит, я уже не молод. Все это очень трудно объяснить такой девушке, как она. И тем более невозможно сказать ей: видишь этот ресторан, Жулия? Здесь был мой дом. Там, где мы сидим, стояли

старинные книги моего прадеда-поэта. Маур Женсана — тебе знакомо это имя? Правда незнакомо? А ты знаешь, что твой обожаемый метрдотель усадил нас посреди фамильной библиотеки? Да-да, этот волшебный уголок раньше был библиотекой. И этот... даже не знаю, как его назвать... фонтанчик расположен на том самом месте, где стоял салонный рояль моего дяди, и это не что иное, как пощечина хорошему вкусу нашей семьи. Нет, я не мог сказать ей все это — мне совсем не хотелось умереть со стыда. Но нужно было что-то предпринять, чтобы защититься от взгляда Жулии.

— Как-то раз, — загадочно начал я, — я влюбился.

— Мм? — Она удивленно подняла голову.

— Да. Это было в пассаже. Я шел вверх по эскалатору. А она ехала вниз по другому. Высокая, светловолосая, невероятно красивая. Она была прекрасна, понимаешь?

— Хм...

— Мы посмотрели друг на друга. Она пронзила меня взглядом, я был сражен. И мы проехали друг мимо друга.

— А потом что?

— Мы оба обернулись. Меня опьянил аромат ее духов. И она снова пронзила меня взглядом.

— И кто же она? Мы с ней знакомы?

Я взял кусок хлеба. Мне почудилась мечтательность в ее взгляде.

— Я больше никогда ее не видел. Это было мимолетное чувство.

— Зачем ты мне об этом рассказываешь, Микель?

Зачем? Да затем, что мне худо. Мне предстоял ужин с девушкой, в которую я слегка влюблен и которая, насколько я знал, кокетничала с несколькими мужчинами сразу. Я никогда раньше не вел с ней личных и доверительных разговоров. Нет — было бы совершенно невероятно оказаться с ней в постели. Я рассказал эту историю для разминки, потому что я очень застенчив. Потому что я только что похоронил Болоса, а этот фонтанчик посреди библиотеки совершенно нелеп. Он ровно

Кабре Ж.

К 12 Тень внуха : роман / Жауме Кабре ; пер. с каталан. А. Гребенниковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 448 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-10856-1

Роман выдающегося каталонского писателя Жауме Кабре «Тень внуха» — смешная и грустная история sentimentalного и влюбчивого любителя искусства, отпрыска древнего рода Женсана, который в поисках Пути, Истины и Жизни посвятил свои студенческие годы вооруженной борьбе за справедливость. «Тень внуха» — роман, пронизанный литературными и музыкальными аллюзиями. Как и Скрипичный концерт Альбана Берга, структуру которого он зеркально повторяет, книга представляет собой своеобразный «двойной реквием». Он посвящен «памяти ангела», Терезы, и звучит как реквием главного героя, Микеля Женсаны, по самому себе. Рассказ звучит как предсмертная исповедь. Герой оказался в доме, где прошли его детские годы (по жестокой воле случая родовое гнездо превратилось в модный ресторан). Подобно концерту Берга, роман повествует о судьбах всех любимых и потерянных существ, связанных с домом Женсана.

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

ЖАУМЕ КАБРЕ
ТЕНЬ ЕВНУХА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редакторы Александра Горбова, Елена Горбова
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова

Подписано в печать 20.12.2016. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YBRM1888301R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/